

УДК 94(47).06/.07+929[Салтыков+Лагарп]

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ САЛТЫКОВ И ФРЕДЕРИК СЕЗАР ДЕ ЛАГАРП

А. Д. Аукштыкальните

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: aukshtykalnite@yandex.ru

Статья посвящена сложным взаимоотношениям Н. И. Салтыкова, главного воспитателя старших внуков Екатерины II, и любимого учителя будущего императора Александра I Ф. С. Лагарпа. Автор анализирует различные источники (письма Ф. С. Лагарпа, записки, дневники его современников), привлекает биографические работы историков, занимавшихся екатерининским, павловским и александровским временем. Проследив историю появления при дворе Ф. С. Лагарпа, его педагогические взгляды и взаимоотношения с учительским корпусом и непосредственным начальником – графом Н. И. Салтыковым, приходит к выводу, что талантливый педагог остался не оцененным по достоинству из-за многих интриг главного воспитателя Александра и Константина.

Ключевые слова: Россия второй половины XVIII века, Н. И. Салтыков, Ф. С. Лагарп, Александр Первый, Екатерина Вторая, Константин Павлович, образование и воспитание наследников российского престола.

Nikolay Ivanovich Saltykov and Frederick Ceasar de La Harpe

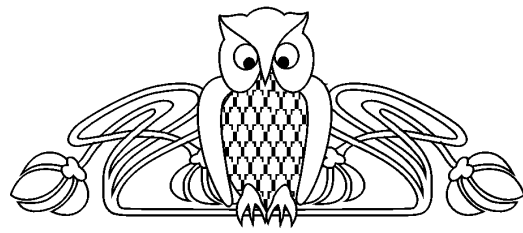
А. Д. Аукштыкальните

The article is devoted to the complicated relationship between N. I. Saltykov, the main mentor of the elder grandsons of Catherine II, and F. C. Laharp, the favorite teacher of the future emperor Alexander I. The author analyses different historical sources (letters, memoirs and correspondence of Laharp and his contemporaries), biographical works of different historians who dwelled upon the epoch of Catherine II, Paul I and Alexander I reign. Having traced the story of Laharp's emergence at court, his pedagogical views and relations with mentors' staff and his immediate superior, the author comes to the conclusion that the talented teacher was not appreciated because of various machinations and intrigues of Alexander and Constantine's main mentor.

Key words: Russia of the II part of the 18th century, N. I. Saltykov, F. C. Laharpe, Alexander I, Catherine II, Constantine Pavlovich, heir to the Russian throne's education.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-28-34

Вопросы воспитания и образования всегда занимали важное место в исторических, социологических и педагогических исследованиях. В истории России одним из наиболее показательных примеров педагогических экспериментов, связанных с ними успехов и неудач, является история воспитания и образования великих князей Александра и Константина, любимых внуков Екатерины II. Историки достаточно широко осветили этот вопрос, уделив немало внимания критике

педагогических идей императрицы. В отечественной и западной историографии утвердился клишированный образ юного мечтателя Александра, который вырос на романтических идеях европейского Просвещения, столь далеких от российской действительности конца XVIII века.

Главным воспитателем Александра и Константина императрица назначила Н. И. Салтыкова, успешного царедворца, отличавшегося особой гибкостью и дипломатичностью. Начав восхождение по карьерной лестнице рядовым в лейб-гвардии Семеновском полку еще при Елизавете Петровне, спокойно пережив короткое правление Петра III, он был обласкан в екатерининскую эпоху, избежал немилостей в павловской России и занимал высокие посты при Александре I. Редкий дворянин второй половины XVIII в. мог похвастаться подобной политической живучестью в вихре дворцовых переворотов и столь разных правлений. И Екатерина II, и Павел I, и Александр I высоко ценили Николая Ивановича, о чем можно судить по тем наградам, которых он был удостоен за время своей придворной службы.

Екатерина в 1766 г. пожаловала ему орден св. Анны, в 1768 – чин генерал-поручика, а в 1769 – орден Святого Александра Невского. 24 ноября 1783 г. Николаю Ивановичу был пожалован орден Андрея Первозванного, 31 августа 1787 г. – Святого равноапостольного князя Владимира I-й степени, 23 июня 1788 г. императрица назначила Салтыкова присутствовать в Военной коллегии, а в 1790 г. возвела его в потомственное графское достоинство. 5 октября 1791 г. назначила вице-президентом Военной коллегии. Перед бракосочетанием Александра Павловича, 22 сентября 1793 г., императрица пожаловала графу пожизненный пансион в 25000 рублей в год сверх жалования и 100000 рублей единовременно вместе с несколькими деревнями, а 2 июля 1794 г. назначила его присутствовать в Сенате в свободное от других порученных ему дел¹. 6 ноября 1796 г. Павел I через два дня после восшествия на престол, пожаловал графа в генерал-фельдмаршалы и назначил президентом Военной коллегии. Александр в день своей коронации пожаловал Николаю Ивановичу свой портрет, усыпанный алмазами. Наконец, наивысший знак доверия Александр продемонстрировал в годы Отече-

ственной войны 1812 г., когда, отбывая в армию, поручил своему бывшему воспитателю руководство государственными делами. За достойное исполнение этих обязанностей Александр удостоил Салтыкова милостивым рескриптом и 30 августа 1814 г. возвел Николая Ивановича в княжеское достоинство. Пожалуй, наибольшим свидетельством императорского расположения служит тот факт, что Салтыкову дважды доверили воспитание царских детей: Николай Иванович с 1773 г. состоял воспитателем при Павле Петровиче, а через 10 лет возглавил штат наставников и педагогов великих князей Александра и Константина.

Однако если члены императорской семьи испытывали к Николаю Ивановичу явное расположение, то прочие современники, а затем и историки имели на его счет иное мнение. Мемуаристы Ш. Массон, И. М. Долгоруков, А. М. Грибовский, В. Н. Головина, Г. А. В. фон Гельбиг, а затем различные исследователи александровской эпохи сошлись во мнении, что он был человеком небольшого ума и «самым никчемным воспитателем» во всей Европе. В подобном случае Салтыков никогда бы не продержался на российском политическом олимпе несколько десятилетий. Поскользнуться на скользком придворном паркете было очень просто, но наш герой 68 лет ходил по нему медленно, опираясь на «костылек», «прихрамывая», но не падая. Этой же науке учил он и своих наставников. Как известно, старший из братьев добился в этой науке больших успехов. Близкий друг и товарищ молодого Александра Адам Чарторижский подчеркивал прозорливость Салтыкова. По его мнению, Салтыков удачно лавировал между двух дворов, большого и малого, пытаясь смягчить острые углы, скрыв половину сказанного: «Хитрый посредник всегда знал всю правду и остерегался, чтобы не проговориться, с его замашками и характером, очень мало подходил к тому, чтобы руководить воспитанием молодого наследника»².

Возможно, маска недалекого, услужливого, даже в чем-то лицемерного придворного стала хорошей ширмой, скрывающей и ум, и стремление удержаться у власти. До нас не дошло ни одной страницы дневника Салтыкова, поэтому заглянуть за привычную маску Николая Ивановича в полной мере не удастся. Можно выдвинуть предположение о том, что Николай Иванович был для царских наследников больше, чем просто придворный воспитатель. Умея сгладить углы внутрисемейных конфликтов, он окружил мальчиков необходимой им заботой, за что последние были ему искренне благодарны. Так, император Александр лично проводил в последний путь своего старого воспитателя, пройдя за гробом пешком до самого кладбища.

Как главный воспитатель великих князей, Николай Иванович руководил учительским корпусом, в который в 1784 г. был введен Фредерик Сезар Лагарп, генерал-лейтенант, происходивший

из дворян швейцарского кантона Во. Предки Лагарпа носили имя Делагарз. Фамилию De la Harpe принял его отец, а мать, София Доротея, происходила из дворянской фамилии Коломбье. Сам Лагарп писал свою фамилию La Harpe, а русские называли его Петром Ивановичем Лагарпом³.

Он получил достойное образование – первоначальные знания постигал в училище в родном городе Ролле, в 1768 г. поступил в гольденштейнскую семинарию знаменитого философа и педагога Незермана, позднее учился в Женеве у де Соссюра и де Бертена, в Тюбингене изучал право, древнюю литературу и математику, которую особенно любил. В семинарии он впервые познакомился с трудами энциклопедистов, впитал либеральные идеи, навсегда сохранив верность своим студенческим убеждениям. Лагарп увлеченно занимался наукой, любил читать, его привлекали книги по древней истории, педагогические сочинения Дж. Локка, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо. В 1774 г., получив степень доктора права, официально закончив образование, Лагарп стал работать адвокатом при высшей апелляционной комиссии в Берне, однако со временем к адвокатуре Лагарп охладел. Неизвестно, как бы сложилась жизнь Лагарпа, если бы судьба не преподнесла ему неожиданный сюрприз в виде приглашения барона М. Гримма сопроводить младшего брата фаворита русской императрицы А. Д. Ланского Якова в его путешествии по Европе. Удачное знакомство стало тем счастливым случаем, который привел Лагарпа в Россию.

Большинство историков и современников Александра справедливо полагали, что Лагарп оказал значительное влияние на формирование образа мыслей великого князя, стал ему близким другом и наставником. Умный, яркий, горящий передовыми идеями, Лагарп пленил сердце своего ученика.

Но как складывались отношения между учителем и главным воспитателем? Историки и современники не уделили данному вопросу особого внимания, а между тем история взаимоотношений Салтыкова и Лагарпа полна интриг. Бумаги Лагарпа, включающие в себя воспоминания и письма к Александру и Константину Павловичам, Н. И. Салтыкову и другим корреспондентам, детально воссоздают картину детства великих князей, рисуя в подробностях придворную жизнь екатерининского царствования. Изучив их, можно добавить несколько ярких штрихов как к портрету самого швейцарца, так и к портрету его всеильного шефа.

Так, обратимся к бумагам Лагарпа и попробуем составить представление о взаимоотношениях Салтыкова и Лагарпа.

Появление Лагарпа в Петербурге – дело случая. Как уже отмечалось, швейцарец сумел составить хорошую компанию путешествующему по Европе младшему Ланскому, с легкостью отвлек повесу от некой особы, женитьба на которой

не входила в планы его семьи, чем, собственно, и вызвал интерес императрицы. «Ум и здравый смысл Лагарпа до того очаровали присутствующих и отсутствующих, он так хорошо провел дело, что оно приняло именно тот оборот, которого мы желали... Поэтому я желаю, чтобы Лагарп сопровождал своего спутника до Петербурга, где без сомнений получит приличное вознаграждение»⁴, – писала императрица 25 февраля (4 марта) 1782 г. Гримму. Так свободолюбивый республиканец шагнул на дорогу, которая привела его в страну с абсолютной монархией, крепостным правом, не подозревая, сколь важную роль сыграют последующие события в его общественно-политической жизни.

Знаменитое письмо Екатерины к барону Гримму, в котором императрица пишет о том, что Лагарп очаровал «всех присутствующих и отсутствующих», датируется 4 марта 1782 г. 11 марта 1782 г. своим письмом Лагарпа приглашает в Россию старший брат Якова Ланского Александр Дмитриевич: «Спешу засвидетельствовать Вам мою благодарность и уважение к поступкам вашим... Счастлив знать, что вы подле брата моего находитесь. И прошу Вас вместе с ним в Россию приехать»⁵. Как замечал сам Фредерик Сезар, позднее он получил приглашение приехать в Россию и от барона Гримма в двух письмах (от 16 апреля 1782 г. и 30 января 1783 г.): «Итальянское ваше путешествие завершите в Венеции, откуда через Триест направитесь в Вену, а оттуда через Подолию и Киев – в Петербург. Говорю “ваше” оттого, что Ее Императорскому Величеству угодно, чтобы трио прибыло неразлучным»⁶. «Как ни туманны были эти приглашения, решил я их принять, быть может, слегка легкомысленно»⁷, – такую оценку дал своему поступку сам Фредерик Сезар.

Швейцарец прибыл в Петербург в начале 1783 г. и был радушно принят фаворитом Екатерины Ланским, который до своей преждевременной смерти был его покровителем и другом.

Вскоре, как вспоминает Лагарп, он был представлен императрице и «был отличен ею, но прождав несколько недель и видя, что надежды не сбываются, намеревался уже в Англию направиться и сообщил об этом генералу Ланскому»⁸. Если бы не случившаяся оттепель, отложившая его отъезд, то не произошла бы аудиенция у графа А. Р. Воронцова, который, пригласив на встречу, подробно расспросил Лагарпа о его планах: «Я рассказал откровенно о предложениях, которые склонили меня к поездке в Петербург и о решимости моей отправиться к сыновьям лорда Тайрона, поскольку в России, по всему судя, употребить меня нет возможности»⁹. Через несколько дней после этой беседы граф Воронцов и генерал Ланской объявили Лагарпу о том, что императрица желает «определить в заведение, какое создают для обучения внуков ее, однако не указали мои обязанности. Посулили мне 1500 ру-

блей жалованья, квартиру и стол». Согласился Лагарп без колебаний, отправив лорду отказное письмо с извинениями. И после этого разговора подготовка штата учителей на время затихла, как пишет сам Лагарп, до конца 1783 г. Швейцарец остался без денег, содержания, лишь с туманными обещаниями, с которыми жил в полном неведении около года.

Можно себе представить, какие трудности испытывал человек без обещанного жалования, учитывая дороговизну столичной жизни. Стоит отметить, что и все последующие годы при русском дворе он будет жаловаться Н. И. Салтыкову на недостаток средств. Так, в письме к начальнику от 27 мая 1791 г. он вспоминает о всех своих финансовых тяготах с самого приезда в Россию: «Учреждение придворного штата Их Императорских Высочеств было отложено на год, и поскольку в это время не имел я возможности жить на всем готовом, не сумел бы на 1500 рублей жалованья, за этот первый год полученного, даже самым необходимым себя обеспечить, когда бы не нашлось у меня других источников. Вынужден был из собственных средств прибавить почти столько же, чтобы не наделать долгов, но хотя таким образом почти все, чем в этой стране располагал, потратил»¹⁰. В следующем году у швейцарца деньги кончились совсем, и он был вынужден писать прошение о повышении жалованья, напомнив Салтыкову, что ему обещали «квартиру и стол». Однако Салтыков выплатил всего 500 рублей вознаграждения, которые в глазах Лагарпа выглядели как милостыня, которую гордый швейцарец принять не мог. Он снова написал Салтыкову письмо, видимо, дошедшее до Екатерины, которая приказала платить на 1200 рублей в год больше. Но и эта прибавка не исправляла положения, так как ни «стола», ни «квартиры» ему не предложили. Доведенный до отчаяния, в 1789 г. Лагарп пишет Салтыкову о своем желании уйти в отставку, на что начальник в свойственной ему лукавой манере дал швейцарцу надежду на помощь, убедив в кулуарном разговоре, что его «не оставят в беде». Изрядно прождав, Лагарп вновь столкнулся с разочарованием – вместе с несбыточными «щедрыми обещаниями» не осуществилась еще одна надежда любого иностранца при дворе – упрочить свое положение, подняться в Табели о рангах.

Оскорбленный учитель гневно писал Салтыкову 6 февраля 1791 г., что ситуация, в которой он оказался, порочит его имя, ибо все, что вместе с ним занимались воспитанием и обучением царственных внуков, получили повышение, а он, много раз хвалимый лично императрицей, подававший ей столько рапортов и меморий, так и остался в прежнем чине: «Летом 1790 г. объявил я графу Салтыкову о своих намерениях жениться и спросил, могу ли я рассчитывать жить своим домом в том случае, если женюсь. Граф не только отвечал утвердительно, но и ободрил меня,

прибавив, что, без сомнения, Императрица сим поступком останется довольна. Когда я сей Государыне написал и графу письмо вручил, он мне прежние заверения повторил, а когда сообщил о согласии Ее Величества, прибавил, что надеется для меня добыть что-то более существенное. Я поблагодарил и стал ждать. Два месяца спустя меня чином обошли»¹¹.

На самом деле, досадовал швейцарец не напрасно, ведь в переписке между Екатериной и Салтыковым мы встречаем благосклонную оценку Лагарпа императрицей: «Николай Иванович. Присланное роспись учение великих князей, сочиненная господином Ла Гарпом, я показать велела Фицгерберту и он, так как и я, находит, что лутче выдумать нельзя, и о успехах не сомневаюсь. Скажите Ла Гарпу мое удовольствие»¹². Так почему же его обошли чином?

Сам Лагарп комментирует свое положение так: «Когда настало время наградить особо причастных к воспитанию Великих Князей, граф Салтыков только о собственных интересах пекся. В такой стране, как Россия, где только начальник на виду пребывает, безразличие его к подчиненным для сих последних всегда пагубно. Посему все, кто к воспитанию Великих князей были причастны, но не имели особливых покровителей, были наградами обойдены, постигла сия участь и меня»¹³.

А ведь Лагарп писал скрупулезные отчеты, докладывая своему начальнику об успехах великих князей в учении. Лагарпа можно упрекнуть в амбициозности, зазнайстве, авантюризме, в конце концов, но лишь не в том, что он был плохой учитель. Он искренне любил то, что делал. Доказательство тому – подробные записки о том, как, чему и для чего он учил великих князей.

В записке Н. И. Салтыкову от 10 июля 1785 г. Лагарп подробно излагает приемы, которые он использует в классной комнате: «Всякий день диктовки даю... С этой целью познакомил их не только с французскими буквами, но и научил их быстро слышать, различать разные звуки. Затем постарался их научить способу этими буквами обозначать звуки. Наконец, когда научились они звуки узнавать и записывать, показал им, как слоги образуются, а из этих слогов целые слова. Лишь только слова научились записывать, продиктовал я им слог за слогом несколько фраз. Сначала продиктовал я им три-четыре строки, потом нечувствительно стал число строк увеличивать, пользуясь удобным случаем и успехами Их Высочеств»¹⁴. Судя по дате записки, уже через год с начала вступления Лагарпа в должность мальчики начали писать короткие заметки по географии и истории под диктовку своего учителя. Как признавался Салтыкову Лагарп, он не сильно следил за чистописанием, положившись в этом вопросе на учителя чистописания: «Если в том, что Их Высочествами под мою диктовку писано, буквы порой небрежны... могут тому

иметь причины и частные»¹⁵. К таким «частностям» учитель относил медлительность и леность своих учеников.

Когда мальчики привыкли к французскому языку, да и Лагарп повысил свой уровень русского, его уроки по другим предметам стали проходить с большей пользой. В письме к императрице от 15 ноября 1791 г. учитель писал: «Намерения Вашего Императорского Величества насчет их Высочеств были мне ведомы. Знал я, что желает Государыня их видеть людьми образованными, привыкшими свой рассудок использовать в правильных целях, приученными к труду, одним словом, достойными своего призвания»¹⁶. Для достижения поставленных педагогических ориентиров учитель постоянно заставлял своих учеников мыслить самостоятельно, применяя в рассуждениях здравый смысл.

В записке Салтыкову от 20 сентября 1786 г. Лагарп докладывал, что «Великий Князь Александр читал Робинзона, Колумба, Кортеза, Пизарра... несколько басней Лафонтена... различные места Корнелия Непота, Плутарха и римской истории Фергуссона»¹⁷. Александр, по мнению учителя, пишет «довольно скоро», ошибки проистекают из того, что «пишут не так, как произносят». Константин пишет тоже быстро, но «затрудняется запомнить целую фразу»¹⁸. Мальчики изучили географию России, перешли к европейским державам, познали решение задач на 4 основных арифметических действия, шагнули к изучению геометрии, многое прошли из древней истории. Лагарп видит различия между братьями в скорости овладения навыками чтения и письма, уровне освоения учебного материала, но не находит преград для продолжения их совместного обучения. Уроки шли каждый день, и, по мнению Лагарпа, младшему из братьев необходимо дать 2–3 дополнительных урока в неделю, чтобы он смог догнать старшего брата.

В записке Салтыкову от 17 сентября 1789 г. учитель жаловался на лень, упрямство своих учеников. Что примечательно, столкнувшись с реальностью, далекой от стройной теории, Лагарп вступил в полемику с Екатериной и Руссо: «Некоторые из современных нам знаменитых писателей полагают, что не следует насиловать детскую природу, что надо подчиняться наклонностям детей и облегчать им труды по возможности. Я откажусь от убеждений моих относительно этого предмета, если мне укажут людей, действительно великих, которые достигли величия, шутя и не зная никогда принуждения, не признавая закона необходимости и никаких обязанностей»¹⁹. По всей видимости, непослушание Константина послужило причиной этих слов. Как пишет далее Лагарп, 15 сентября 1789 г. мальчик в своих шалостях и упрямстве зашел слишком далеко – 2 часа он испытывал терпение учителя, не желая приступать к занятиям, а не добившись результата (Лагарп сохранял

хладнокровное спокойствие) «в ярости укусил» учителю руку²⁰.

В отчетах Салтыкову за декабрь 1790 г.²¹ Лагарп пишет о том, чему ему удалось научить своих учеников за пять лет. Пройденное относится к изучению французского языка, географии, истории и математики. В изучении французского дети добились правильного произношения, их часто заставляли читать вслух, а разнообразные предметы их чтения расширяли словарный запас и кругозор. Александр читает бегло, особенно, когда содержание его интересует. Лагарп даже пишет, что в такие минуты «можно слушать его с удовольствием».

В последующих подобных отчетах Лагарп доложит об изучении философии, углублении знаний по истории, географии, статистике, экономике.

Так почему же все-таки его обошли и чином, и наградами?

Лагарп подозревал своего начальника в том, что тот, используя его мемории, написанные на французском языке для Екатерины, при помощи доверенных лиц переводил их на русский язык и подавал Екатерине от своего лица: «Фельдмаршал Салтыков имел всевозможные способы навязывать свою волю тем, кто, подобно мне, имели военное звание. Сей большой начальник приказывал своим секретарям мемории мои и донесения переводить на русский, а затем за них награды получал, о бедном же чужестранце, чьим усердием и трудами пользовался, даже не вспоминал»²².

К сожалению, швейцарец не ошибался насчет своего начальника. Сопоставив несколько писем, мы легко можем уличить Салтыкова в подлоге. Так, в переписке 1787 г. между Екатериной и Салтыковым есть несколько упоминаний о Лагарпе и его подробной инструкции от 1784 г., которой Екатерина была вполне довольна (письма от 12 февраля и 12 марта 1787 г. к Салтыкову), вместе с этим, практически в каждом письме императрица благодарит Салтыкова за подробные отчеты о здоровье и достижениях своих внуков в науках, в познании которых «во всем сохраняются правила мои»²³. Как эти отчеты составлял воспитатель, что брал за основу, мы можем лишь догадываться. Но в более поздней переписке имя Лагарпа исчезает. Так, в письме императрицы от 23 января 1791 г. есть упоминание о тетради с отчетами главного воспитателя об учении мальчиков, которую Салтыков послал Екатерине. Императрица довольна результатами и хвалит старания главного воспитателя Салтыкова: «С помощью Божии, надеюсь, что оне под руководством вашим делаются людьми полезными для империи вперед»²⁴. А 6 февраля того же года Лагарп написал Салтыкову письмо, в котором разочарованно искал объяснений, почему ни чина, ни обещанных денег он так и не получил. «Либо особу мою, либо должность, мною занимаемую, ценят не очень высоко»²⁵, – писал он начальнику.

В комментариях Лагарпа к этому своему посланию мы находим подробности ответа Салтыкова: «Пока граф за мой счет милости добывал, я вместо наград, им обещанных, получил афронт. Не постыдился он даже мне благодарность передать от имени Императрицы и Великого Князя и Великой Княгини, дабы оставить меня в убеждении, будто бы он мое сочинение с моею подписью представил. О подлость! О низость!»²⁶ Лагарп подал на имя Екатерины несколько подробных меморий: две в 1784 году (одна от 10 июня, вторая – в конце года) и еще пять в последующие годы (20 сентября 1786 г., 31 марта и 17 сентября 1789 г., большую меморию от конца декабря 1790 г. и от 22 декабря 1791 г.)²⁷. Как раз о последней и писала Екатерина, благодарив Салтыкова за усердную службу.

Двуличие Салтыкова, его лукавство проступают сквозь строки ответного письма от того же 6 февраля 1791 г.: «Скажу вам как истинный и несомненный друг ваш, что ничего вы не потеряете ни теперь, ни в будущем. Не пожалеете, что здесь оказались. Будьте покойны и верьте, что я вам друг истинный»²⁸. И в этом же письме открывается причина, по которой Салтыков просил своих секретарей переводить письма: «Знаете вы, любезный господин де Лагарп, как мне трудно по-французски писать». Салтыков, по всей видимости, плохо знал французский и императрица могла бы заподозрить неладное, если бы Николай Иванович решился подавать ей мемории не на русском языке.

И остались бы прошения Лагарпа в ящике стола Салтыкова, если бы не неожиданная болезнь Фредерика Сезара. Заболев и не имея достаточно средств на лечение, швейцарец вновь пишет Салтыкову, и, как сам признается, «решительный тон письма» и «намек на мемории» «убедили графа, что кормить меня прекрасными обещаниями больше невозможно»²⁹. Салтыков испугался огласки, понимая, что Лагарп может набраться смелости и обратиться к императрице напрямую, и выделил учителю 2000 рублей, сказав при этом, что прибавка эта к жалованию пожизненна. Однако, скорее всего, императрица даже не догадывалась о «прибавке». Лагарп предположил, что те 2000 рублей были выписаны из «кабинетных денег Великих Князей, которыми граф распоряжался полновластно». О финансовой самостоятельности графа в распоряжении казенными деньгами мы встречаем упоминание в переписке между Салтыковым и Екатериной, поэтому можно предположить, что Лагарп справедлив в своих доводах. Так, Екатерина пожаловала 100 тысяч рублей Салтыкову из «чрезвычайных расходов ведомства» Николая Ивановича, о чем писала ему 22 сентября 1793 г., предписав ему взять их в течение настоящего и будущего 1794 г.³⁰

Лагарп прекрасно понимал, что его отставка не выгодна в первую очередь Салтыкову, который в таком случае упускал из рук прекрасный

источник красноречивых текстов, которые так любила читать императрица. Так, он писал: «Без меня большую часть влияния старый граф потерять мог»³¹. В эпистолярном наследии мы находим много подтверждений хитрости, уклончивости главного воспитателя Салтыкова. Самовластно распоряжаясь деньгами кабинета Великих Князей, он легко мог держать Лагарпа в ложном понимании того, насколько императрица осведомлена об успехах учителя на педагогическом поприще, попросту выдавая определенные суммы денег якобы в качестве императорской благодарности. Как бы то ни было, в конечном итоге Лагарп за почти 12 лет службы кроме ордена св. Владимира получил чин полковника, который был ему присвоен 31 января 1795 г., а 9 марта его отправили в отставку от военной службы. Финансовые же дела у Лагарпа шли еще хуже, знакомые открыли ему кредит, он влез в долги, желая купить за 11 000 небольшой дом на родине. Пенсии в 2000 рублей и 925 рублей полковничьего жалования за воспитание Константина было явно недостаточно, чтобы покрыть расходы. Лагарп обратился к Екатерине, и через некоторое время ему выплатили единовременно в погашение пенсии 10 000 рублей. Лагарп был унижен, оскорблен и подавлен, это была не та сумма, на которую он рассчитывал от «слышшего бесконечно щедрым»³² русского двора. Ему даже пришлось продать Салтыкову накопленную в России библиотеку, чтобы вырученные за книги деньги потратить на дорогу домой. Но на этом финансовые затруднения не закончились. Со смертью Екатерины Павел, по словам Лагарпа, «обобрал» учителя, отобрав заслуженную пенсию. Лишь только после воцарения Александра пенсию в 2000 рублей ему все-таки вернули.

Досадными выглядели и милости, которыми императрица осыпала Салтыкова, пожаловав 21 мая 1788 г. ему орден Св. равноапостольного князя Владимира большого креста первой степени³³, в 1793 г. – 100 тысяч рублей, «деревни, сверх получаемого вами жалования и столовых денег, во всю жизнь вашу пенсии по двадцати пяти тысяч на год», 1796 г. – дом в Петербурге, столовый серебряный сервиз, «единовременно на заведение домашнее 60 тысяч рублей, из суммы, на чрезвычайные расходы в ведомство ваше отпускаемое»³⁴. Других воспитателей великих князей также не обидели. Протасову пожаловали орден Св. Александра Невского и «в вечное потомственное владение деревню, определяя ему, сверх полного по чину жалования, ежегодной по смерти пенсии по три тысячи рублей»³⁵. Тайному советнику барону фон дер Остен Сакену также пожаловали в 1796 г. орден Св. Александра Невского, деревню, поверх жалования пенсию в 3 тысячи рублей и 10 тысяч рублей единовременно из денег кабинета. В тот же год наградили и всех остальных, причастных

к образованию царственных внуков: Ламсдорф, Кошелев, Муравьев, Будберг, Христовский получили повышения и пожизненную пенсию в 2000 рублей, единовременную выплату в 6000³⁶.

Как видим, в отношении нижестоящих Салтыков был типичным придворным-руководителем, который нередко пользовался трудами своих подчиненных, боялся их возвышения, успехи замалчивал или выдавал за свои, был лукав, осторожен, умел приспособливаться, ладить с другими людьми, был угодлив, уклончив. Конечно, это не красит Николая Ивановича, но и не выделяет из круга ему подобных. Да и Лагарп, безусловно, – сложная и противоречивая фигура. В чем-то немного авантюрист, мечтатель, интеллигент, он приехал в Россию за славой, деньгами и положением, имея на это больше прав, чем многие иностранцы-мошенники, которые на протяжении всего XVIII в. съезжались со всех уголков Европы и были обласканы при российском дворе. Человек-энциклопедия, он начал свою карьеру в роли избавителя молодого повесы от юной музы, а получил право влиять на умы будущего императора и его младшего брата. Образованнейший человек своего времени, он покинул Россию никем по заслугам не отмеченным, но, сам того не подозревая, увез гораздо большую награду – уважение и искреннюю дружбу своего ученика, будущего императора России.

Примечания

- 1 См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. С. 202–203.
- 2 *Чарторижский А.* Воспоминания и письма. М., 2010. С. 103.
- 3 См.: *Русский биографический словарь.* СПб., 1896. Т. 10. С. 27.
- 4 Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1787. Т. 23. С. 229.
- 5 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Андреева. М., 2015. С. 167.
- 6 Там же. С. 167.
- 7 Там же. С. 172.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 203.
- 11 Там же. С. 199.
- 12 Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову / подг. рус. текста и коммент. С. А. Мезина и Я. Н. Рабиновича; под ред. Н. И. Девятайкиной. Милан, 2005. С. 174.
- 13 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 211.
- 14 Там же. С. 177–178.
- 15 Там же. С. 178.
- 16 Там же. С. 218–219.

- ¹⁷ [Лагарп Ф. С.] Записки о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей // Русская старина. СПб., 1870. С. 154.
- ¹⁸ Там же. С. 156.
- ¹⁹ Там же. С. 195.
- ²⁰ Там же. С. 197.
- ²¹ Там же. С. 205.
- ²² Там же. С. 297.
- ²³ Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову. С. 175.
- ²⁴ Там же. С. 193.
- ²⁵ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 198.
- ²⁶ Там же. С. 198.
- ²⁷ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 272.
- ²⁸ Там же. С. 200.
- ²⁹ Там же. С. 199.
- ³⁰ Письма Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову (1763–1796) // Русский архив. СПб., 1864. Вып. 9. С. 984.
- ³¹ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 245.
- ³² Там же. С. 276.
- ³³ Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову (1763–1796). С. 976.
- ³⁴ Там же. С. 984.
- ³⁵ Там же. С. 986.
- ³⁶ Там же.

Образец для цитирования:

Аукштыкальните А. Д. Николай Иванович Салтыков и Фредерик Сезар де Лагарп // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 28–34. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-28-34.

Cite this article as:

Aukshtykalnite A. D. Nikolay Ivanovich Saltykov and Frederick Ceasar de La Harpe. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 28–34 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-28-34.